

Толочин Игорь Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
i.tolochin@spbu.ru

Филатов Андрей Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
andrei.filatov.spbu@gmail.com

Ценностные модели культуры и проблема переводческой эквивалентности: *The Gift of the Magi* О. Генри и его перевод на русский язык*

Для цитирования: Толочин И. В., Филатов А. С. Ценностные модели культуры и проблема переводческой эквивалентности: *The Gift of the Magi* О. Генри и его перевод на русский язык. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (1): 149–168. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.108>

Статья посвящена проблеме функциональной эквивалентности перевода художественного текста. На примере анализа канонического перевода рассказа О. Генри «*The Gift of the Magi*» на русский язык в русле функционально-семиотического подхода к смысловой структуре языковых высказываний формулируется принцип обязательности реконструктивного метода прочтения текста оригинала как основы для работы над переводом. В статье раскрывается механизм реконструктивного прочтения, заключающийся в последовательном выявлении маркеров ценностного конфликта в тексте за счет установления смысловых контрастов между элементами текста и рамочными ценностными суждениями (фреймами различных функциональных уровней), словесно обозначенными в повествовании, что позволяет установить смысловую мотивированность всех единиц текста и четко определить содержание ценностного конфликта, лежащего в его основе. Кроме того, в ходе сопоставительного анализа двух версий текста О. Генри (англоязычного оригинала и «канонического» перевода Е. Д. Калашниковой) продемонстрировано, каким образом игнорирование ключевых элементов смысловой организации оригинала, обеспечивающих контрастное взаимодействие с легко узнаваемыми ценностными структурами, приводит к полной утрате смыслового соответствия текста перевода с оригиналом. Это становится еще более очевидным при анализе текстов русскоязычных литературных критиков, принявших как данность тривиализацию смысла текста в переводе, что грозит возведением барьеров между языковыми культурами. Таким образом, в статье формулируется метод реконструктивного прочтения текста, базирующийся на ряде принципов функционально-семиотической теории, и утверждается необходимость рассматривать его как основу для дальнейшего осуществления перевода художественного текста.

Ключевые слова: переводческая эквивалентность, реконструктивное прочтение, ценностное суждение, фреймовая семантика, ценностный конфликт.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90014.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Введение

В статье рассматривается принципиальная значимость распознавания маркеров ценностных моделей культуры для понимания художественного текста и, соответственно, его качественного перевода. Принципиально значимой переводческой категорией при осуществлении качественного художественного перевода представляется категория эквивалентности. Переводческая эквивалентность в данной работе понимается как сохранение прагматического потенциала оригинального высказывания, которое достигается за счет передачи функциональной природы актуализируемых рамочных ценностных суждений в семантической структуре текста, а также способов их маркирования. Подобных взглядов придерживаются многие теоретики перевода, среди которых Л. С. Бархударов [Бархударов 2008] и А. Д. Швейцер [Швейцер 1988] (эквивалентность как семантическая и коммуникативная категория), А. Ньюман (functional equivalence) [Newman 1994], В. Коллер [Koller 1989] и Дж. Кэтфорд [Catford 1965] (эквивалентность как совокупность языковых (formal correspondence) и речевых соответствий (textual equivalence)). Кэтфорд подчеркивает значимость установления соответствий между ценностными суждениями языков оригинала и перевода для возникновения отношений эквивалентности между единицами различных уровней [Catford 1965]. Казалось бы, необходимость осуществления качественного эквивалентного перевода с целью включения актуализируемых ценностных суждений в языковую культуру социума является самоочевидной. Однако наши наблюдения над комментариями к художественным текстам на английском языке и переводами их на русский язык показывают, что широко распространенным является феномен избирательного прочтения текста, при котором значимые для текста ценностные суждения игнорируются литературными критиками и переводчиками. То, каким образом избирательное прочтение текста проявляется в литературной критике, представлено нами в анализе нескольких текстов, посвященных одному стихотворению Э. Дикинсон [Толочин, Филатов 2019]. В настоящей работе мы хотим продемонстрировать, каким образом избирательное прочтение текста оригинала способно привести в процессе перевода к полной утрате связи со смыслом переводимого текста. В качестве примера рассмотрим ставший каноническим в России перевод Е. Д. Калашниковой рассказа О. Генри “The Gift of the Magi” [О’Генри]. Этот перевод широко известен и используется в школьной программе по литературе.

Рамочные ценностные суждения представлены в любом тексте в виде слов-маркеров. Способность распознавать такие маркеры является основным условием для полноценного взаимодействия читателя со смыслом текста [Толочин, Филатов 2019; Lukianova et al. 2019]. Без полноты понимания всей словесной ткани текста, что подразумевает способность переводчика объяснить функцию любого слова в переводимом тексте, качественный перевод невозможен и существенные искажения смысла оригинала в процессе перевода неизбежны. Роль рамочных ценностных моделей в формировании смысла высказываний широко изучается в сфере фреймовой семантики и критического анализа дискурса [Borah 2011; Baurmann et al. 2010; Gagnon et al. 2019; Lukianova et al. 2019; Mannheim 1997; Rokeach 1977; van Dijk 2014]. Мы продемонстрируем то, каким образом выявление маркированных в тексте ценностных фреймов способно предотвратить негативный эффект от

избирательного прочтения и обеспечить основу для художественного перевода, функционально эквивалентного оригинальному тексту.

Маркеры рамочных ценностных суждений и реконструкция смысла текста

Рассказ О. Генри «The Gift of the Magi» уже с заголовка и первого абзаца четко маркирует значимость для произведения традиции дарить подарки к Рождеству. Через весь текст последовательность слов воссоздает легко узнаваемое ценностное суждение, в котором традиция рождественских подарков связывается с евангельской историей о поклонении трех мудрецов младенцу Христу. Выделим сначала все слова-маркеры, чтобы реконструировать рамочное суждение. В заголовке слова gift и the magi указывают на евангельский сюжет. Эти слова несколько раз повторяются в тексте. При этом подчеркивается значимость евангельской истории для сюжета рассказа: the magi brought... gifts; The magi... were wise men... who brought gifts to the Babe in the manger. They invented the art of giving Christmas presents. Рождество как особый праздник, для которого подарки являются важнейшей традицией, представлено в тексте еще рядом маркеров: And the next day would be Christmas; Tomorrow would be Christmas Day; to buy Jim a present; to buy a present for Jim; Jim's present; I couldn't have lived through Christmas without giving you a present; Say 'Merry Christmas!' Jim, and let's be happy. You don't know what a nice — what a beautiful, nice gift I've got for you; It's Christmas Eve, boy; Jim had not yet seen his beautiful present; our Christmas presents; give and receive gifts. Еще одним важным элементом рамочного суждения являются слова, указывающие на необходимость денежных затрат для покупки рождественских подарков: One dollar and eighty-seven cents. And the next day would be Christmas; To-morrow would be Christmas Day, and she had only \$1.87 with which to buy Jim a present. She had been saving every penny she could for months; Only \$1.87 to buy a present for Jim. Her Jim. Many a happy hour she had spent planning for something nice for him; She was ransacking the stores for Jim's present. Таким образом, сюжет рассказа встроен в ценностное суждение, которое легко распознается читателем и связано с культурной традицией англоязычного сообщества. В этом суждении радость рождественского праздника предполагает обмен подарками в память о поклонении волхвов:

One of the main reasons we have the custom of giving and receiving presents at Christmas, is to remind us of the presents given to Jesus by the Wise Men <...> Christmas itself is really about a big present that God gave the world about 2000 years ago — Jesus! <...> All over the world families and friends give presents to each other <...> When the presents are given out (often at a Christmas party) each person is given their present but they have no idea which person in the group bought it for them!¹.

Приведенная цитата — пример характерного текста, в котором описываются рождественские традиции. Как видим, здесь есть все три компонента: связь с евангельской историей о поклонении волхвов; обмен подарками как обязатель-

¹ Christmas Traditions and Customs. Christmas Presents. <https://www.whychristmas.com/customs/presents.shtml> (accessed: 14.11.2019).

ный атрибут праздника; материальные затраты, необходимые для приобретения подарков. Ценностное суждение *Christmas as a time of great joy and celebration when families and friends have parties and exchange gifts commemorating the birth of Jesus* легко реконструируется на основе слов-маркеров рассказа (данная основа далее условно обозначается как *Christmas*). Отметим здесь подчеркнутую связь с христианской традицией и христианской значимостью праздника. Текст последовательно акцентирует именно религиозный компонент данной традиции за счет сквозного повтора слов-маркеров *the magi*.

Следующий шаг по реконструкции семантической структуры рассказа должен быть посвящен анализу того, каким образом рамочное ценностное суждение соотносится с текстом: последний может служить либо развернутым подтверждением данного суждения как не подвергаемого сомнению, либо устанавливать конфликтное смысловое взаимодействие с рамочным суждением-основой, преобразовать дискурсивность [Покровская 2010; Толочин 2002; Фуко 2004; Mead 2015]. Уже в заголовке рассказа необходимо отметить нарушение связи с евангельской историей. В Евангелии от Матфея три мудреца подносят три дара младенцу в момент поклонения: “¹¹ And when they were come into the house, they saw the young child with Mary his mother, and fell down, and worshipped him: and when they had opened their treasures, they presented unto him gifts; gold, and frankincense and myrrh” [King James Version: Matthew 2:11]. Три дара от трех волхвов — известнейший элемент рождественской истории. Заголовок странным образом искажает его.

Теперь следует выявить в тексте словосочетания, которые помогли бы установить значимость такого явного нарушения. *The magi* появляется в тексте рассказа в двух абзацах — один раз на с. 5 и несколько раз в заключительном абзаце текста на с. 6. На с. 5 говорится о том, что среди даров, принесенных евангельскими волхвами, не было одного: “Eight dollars a week or a million a year — what is the difference? A mathematician or a wit would give you the wrong answer. The magi brought valuable gifts, but that was not among them. This dark assertion will be illuminated later on”². В этом абзаце особый дар, которого не было у волхвов, связывается со способностью дать правильный ответ на вопрос “Eight dollars a week or a million a year — what is the difference?”. Этой способности также лишены математик или пронизательный мыслитель. Очевиден и ироничный тон отрывка, как бы допускающий возможность ограниченной ценности даров, принесенных волхвами. Этот абзац еще более усиливает конфликтное взаимодействие текста и элемента рамочной основы смысла: *the gift* в заголовке — это, скорее всего, *the gift that was not among the valuable gifts the magi brought*. Важно использование этого существительного в единственном числе. Здесь также следует отметить, что в абзаце на с. 5 текста *the gift* обозначает не купленную вещь, а способность дать правильный ответ на вопрос. В формировании смысла текста включается полисемия слова *gift*. Словарь Merriam-Webster четко различает следующие два варианта значения *gift*: “1. A notable capacity, talent, or endowment; 2. Something voluntarily transferred by one person to another without compensation” [Merriam-Webster]. Очевидно, что евангельский текст использует *gift* во втором варианте значения, в то время как в рассматриваемой цитате возникает ироничный смысл, утверждающий, что при этом волхвы не обладали *gift* в первом

² Цит. по: O. Henry. The Gift of the Magi. Short Stories. <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/GifMag.shtml> (accessed: 14.11.2019) [O. Henry]. (Далее — O. Henry.) P. 5.

значении. Ирония и обыгрывание полисемии усиливаются в заключительном абзаце рассказа:

The magi, as you know, were wise men — wonderfully wise men — who brought gifts to the Babe in the manger. They invented the art of giving Christmas presents. Being wise, their gifts were no doubt wise ones, possibly bearing the privilege of exchange in case of duplication. ... But in a last word to the wise of these days let it be said that of all who give gifts these two were the wisest. Of all who give and receive gifts, such as they are wisest. Everywhere they are wisest. They are the magi (O. Henry. P.6).

Ироничный тон по отношению к мудрецам евангельского сюжета окончательно проясняет характер контраста, заданного заголовком и абзацем на с. 5. Ценность даров евангельских мудрецов осмеивается, так же как и их мудрость, которые сводятся к возможности обмена подарка в случае поднесения двух одинаковых даров. Евангельским мудрецам — изобретателям искусства дарить рождественские подарки — противопоставлены Делла и Джим — герои рассказа (*these two*). Они провозглашаются, крайне торжественно, самыми мудрыми, а в последнем предложении именно герои рассказа и названы мудрецами, которые обладают даром. *The magi* в заголовке — именно герои рассказа, а не евангельские мудрецы, как предполагается семантической основой текста. Здесь следует отметить полисемию определенного артикля. Если заголовок рассказа лишь намечает конфликтный характер смыслового взаимодействия между текстом и ценностной основой, которую мы определили выше, то последнее предложение полностью проясняет смысловой каркас текста. В заключительном предложении после всех превосходных степеней в характеристике двух персонажей очевидно следующее значение артикля, которое в словаре определено следующим способом: “used as a function word to designate one of a class as the best, most typical, best known, or most worth singling out; sometimes used before a personal name to denote the most prominent bearer of that name” [Merriam-Webster].

На основании анализа характера взаимодействия микроконтекстов ключевых маркеров *gift* и *the magi* со смысловой рамочной основой мы можем сформулировать смысловой каркас ценностного конфликта, который соотносит сюжет текста с рамочной основой: *The Gift of the Magi is the gift that the magi, who brought their valuable gifts to Jesus, did not have; it is the gift that the two characters of the story truly possessed; hence they are the wisest and they are The Magi, not the wise men of the biblical story.*

Следующий этап анализа должен быть направлен на установление содержания иронии и уничижительной оценки по отношению к евангельским волхвам. На данном этапе мы можем заключить, что рассказ — это притча, содержание которой каким-то образом вступает в конфликтное взаимодействие с положительным ценностным суждением *Christmas as...*, причем именно связь с христианским аспектом этого суждения является максимально значимой в содержании конфликта.

Для того чтобы установить содержательность конфликта и значимость сюжета как притчи, в которую он точно оформляется заключительным абзацем, необходимо рассмотреть особенности лексического конструирования образов двух персонажей, провозглашенных в конце текста истинными мудрецами.

Большая часть текста описывает героиню рассказа Деллу и ее решение продать свои красивые волосы, чтобы купить своему мужу Джиму рождественский

подарок. Сам сюжет: бедная молодая пара, каждый из супругов идет на большую жертву, чтобы купить рождественский подарок, бессмысленность жертвы и торжество взаимной любви в конце текста — как бы предполагает сентиментальное развертывание утверждения “love triumphs over poverty”. Именно так воспринимают, например, смысл рассказа авторы монографии по экономике, использующие сюжет рассказа для иллюстрации положения о необходимости обмена информацией при совершении совместных действий, способных иметь значимые экономические последствия: если бы только Джим и Делла согласовали свои финансовые сделки, все бы, вероятно, закончилось еще лучше [Birchler, Buetler 1999: 173]. Именно на основе такой поверхностной реакции на сюжет вне связи с маркерами ценностного конфликта и, как мы увидим ниже, ключевыми элементами смысловой цельнооформленности текста Википедия определяет его жанровую специфику как “a sentimental story with a moral lesson about gift-giving” [Wikipedia].

Такой уровень понимания текста, хотя он является популярным в силу своей избирательности, то есть потому, что не требует внимательного чтения и установления содержания всех элементов текста, никак не может прояснить ту структуру ценностного конфликта, которую мы установили выше. Более того, восприятие двух персонажей рассказа исключительно как любящих друг друга молодых людей, способных сохранять свое чувство даже при некоторых неудобствах и разочарованиях в материальной стороне жизни, игнорирует большую часть текста, в которой Делла и Джим получают последовательно отрицательную и ироничную характеристику. Итак, трактовка рассказа как сентиментальной мелодрамы с комичным концом отрицает значимость заголовка и рамочной ценностной структуры и свидетельствует о способности читателей оставлять без внимания большую часть текста. Это еще один яркий пример избирательного прочтения (см. [Толочин, Филатов 2019]).

Рассмотрим подробнее характер развертывания характеристик двух персонажей рассказа. Второй абзац *There was clearly nothing left to do but flop down on the shabby little couch and howl. So Della did it. Which instigates the moral reflection that life is made up of sobs, sniffles, and smiles, with sniffles predominating...* (О. Henry. P. 1) описывает поведение Деллы, словно она маленький ребенок (*flop down and howl; sobs, sniffles and smiles, with sniffles predominating*). Но еще более значимым словосочетанием в этом абзаце является *shabby little couch*. В слове *shabby* содержится уничижительно-отрицательная оценка, причем словарь указывает на связь этого качества с опущенностью, достойной презрения: *seedy, threadbare, ill-kept, dilapidated, mean, despicable, contemptible* — вот ряд прилагательных, с помощью которых словарь Merriam-Webster пытается описать полноту значения *shabby*. Косвенная отрицательная характеристика персонажа через пространство, в котором разворачивается сюжет, усиливается в следующем абзаце:

While the mistress of the home is gradually subsiding from the first stage to the second, take a look at the home. A furnished flat at \$8 per week. It did not exactly beggar description, but it certainly had that word on the look-out for the mendicancy squad (О. Henry. P. 1).

Последнее предложение абзаца построено на словесной игре, сталкивающей значение глагола *beggar* в *beggar description* и подразумеваемого существительного *beggar* в *it certainly had that word (beggar-noun) on the look-out for the mendicancy squad*.

Квартира, в которой находится Делла, производит такое же впечатление, как бродяга, опасющийся, что его арестует отряд полиции. Убожество обстановки описывается отстраненно и иронично. В следующих двух абзацах содержание иронии конкретизируется: Делла и Джим характеризуются как социальные изгои и в то же время они явно озабочены поддержанием респектабельности, степень которой измеряется исключительно величиной дохода. *In the vestibule below was a letter-box into which no letter would go, and an electric button from which no mortal finger could coax a ring. Also appertaining thereunto was a card bearing the name "Mr. James Dillingham Young"* (О. Henry. P. 1). В этом абзаце подчеркивается полное отсутствие у Деллы и Джима каких-либо связей с обществом. Ирония сформирована абсурдно-возвышенным тоном второго предложения, который подчеркивает бессмысленность карты с именем жильца. В следующем абзаце комментарий к надписи на карточке резко усиливает отрицательно-ироничную оценку: при доходе в тридцать долларов карточка была гордо выставлена на показ всему миру, а как только доход снизился до двадцати долларов, буквы как будто застыдились и стараются ужаться, чтобы выглядеть поскромнее:

The "Dillingham" had been flung to the breeze during a former period of prosperity when its possessor was being paid \$30 per week. Now, when the income was shrunk to \$20, the letters of "Dillingham" looked blurred, as though they were thinking seriously of contracting to a modest and unassuming D. (О. Henry. P. 1).

Здесь интересно использование словосочетания *flung to the breeze*. Оно часто (особенно в XIX в.) используется вместе со словом *banner* (*banner flung to the breeze*), чтобы охарактеризовать решительное и значимое действие людей, ведущих борьбу за важное и благородное дело: *We did not realize as we should the foresight, daring and self-denial of those men who flung to the breeze, in defiance of the mightiest empire of the old world, the broad banner of liberty and equality* [Davis 2011: 73]. В приведенной цитате эта фраза используется для восхваления смелости американских патриотов, восставших против Британской Империи. Контраст *flung to the breeze during a former period of prosperity // contracting to a modest and unassuming D* становится гротескно-издевательским. Смелые порывы молодой пары, которая находится вне значимых общественных отношений, бессмысленны, так как общество их игнорирует, и абсурдны, так как определяются исключительно размером заработка и направлены на то, чтобы создать иллюзию респектабельности у других. Здесь нужно отметить и то, что заработок Джима, даже при том, что он снизился с тридцати до двадцати долларов в неделю, все равно остается выше среднего заработка рабочих в Нью-Йорке в период, когда был написан этот рассказ³. Эта важная деталь также должна усилить формирующийся в тексте ироничный тон по отношению к страданиям Деллы по поводу невозможности приобрести для Джима достойный подарок к Рождеству.

Теперь важно рассмотреть то, каким образом текст поясняет горячее желание Деллы купить Джиму подарок, на который у нее нет денег. Мотив погони за соз-

³ Union Scale of Wages and Hours of Labor, 1907 to 1912: Bulletin of the United States Bureau of Labor Statistics, no. 131 (1913). Fraser: Discover Economic History. <https://fraser.stlouisfed.org/title/3912/item/476865> (accessed: 14.11.2019).

данием иллюзии успеха и процветания у других оказывается главной движущей силой, толкающей Деллу на жертву. Здесь обратим внимание и на то, как текст характеризует два сокровища, которыми пожертвуют молодые люди:

Now, there were two possessions of the James Dillingham Youngs in which they both took a mighty pride. One was Jim's gold watch that had been his father's and his grandfather's. The other was Della's hair. Had the Queen of Sheba lived in the flat across the airshaft, Della would have let her hair hang out of the window some day to dry just to depreciate Her Majesty's jewels and gifts. Had King Solomon been the janitor, with all his treasures piled up in the basement, Jim would have pulled out his watch every time he passed, just to see him pluck at his beard from envy (O. Henry. P. 2).

Очевиден ироничный тон описания и в этом абзаце. Первое предложение использует не только уже осмеянное имя в том виде, как оно представлено на карте на почтовом ящике внизу, но и содержит фразу *take a mighty pride in one's possessions*. Эта фраза двусмысленна уже с точки зрения того, каким образом она характеризует героев рассказа. Последние предложения уточняют отрицательное содержание этой характеристики. Герои гордятся суетно и тщеславно, при этом упоминание царя Соломона и царицы Савской подчеркивают ничтожность и тщету этой гордыни. Волосы важны для Деллы для того, чтобы затмить богатства и дары царицы Савской (здесь отметим появление слова *gifts*), а Джим вытаскивал бы часы, чтобы насладиться зрелищем мучительной зависти у царя Соломона. Когда Делла, наконец, покупает цепочку для часов Джима, то ее радость заключается в том, что теперь Джим сможет демонстрировать свои часы перед другими, то есть еще раз подтверждается суетность самой основы стремления сделать этот подарок:

As soon as she saw it she knew that it must be Jim's. It was like him. Quietness and value — the description applied to both. Twenty-one dollars they took from her for it, and she hurried home with the 78 cents. With that chain on his watch Jim might be properly anxious about the time in any company. Grand as the watch was, he sometimes looked at it on the sly on account of the old leather strap that he used in place of a chain (O. Henry. P. 3).

Главный источник радости для Деллы — то, что Джим сможет гордо демонстрировать свои часы перед другими. Характеристика подарка, который Джим приносит Делле, также развивает мотив суетного тщеславия и иллюзорной ценности желаемого:

For there lay The Combs — the set of combs, side and back, that Della had worshipped for long in a Broadway window. Beautiful combs, pure tortoise-shell, with jewelled rims — just the shade to wear in the beautiful vanished hair. They were expensive combs, she knew, and her heart had simply craved and yearned over them without the least hope of possession. And now, they were hers, but the tresses that should have adorned the coveted adornments were gone (O. Henry. P. 5).

Worshipping the combs in a Broadway window не может быть положительной характеристикой: глагол *worship* предполагает религиозное в своей основе чувство восхищения и преклонения. Словарь предлагает два варианта значения: “1. to honor or reverence as a divine being or supernatural power; 2. to regard with great ex-

travagant respect, honor, or devotion” [Merriam-Webster]. Преклонение перед товаром в витрине дорогого магазина — форма поклонения золотому тельцу. Интересен выбор еще ряда глаголов, конкретизирующих переживания героини: *crave, yearn over, covet*, а идеальное осуществление мечты определяется словом *possession*. Все глаголы передают состояния, которые связаны с мучительной неудовлетворенностью, при этом *covet* обозначает неумное стремление к чему-то предосудительному. Итак, оба персонажа получают в тексте ироничную отрицательную оценку: они мучительно озабочены стремлением казаться успешными в глазах других и иметь возможность демонстрировать материальный успех, но вокруг них пустота и убожество (описание жилья в начале рассказа). Если выстроить ряд слов-маркеров этого аспекта смысла текста (*pride in one’s possessions; flung to the breeze; a period of prosperity; hope of possession*), то мы сможем увидеть и объект иронии — это ценностное суждение, обозначенное в Декларации Независимости как *the pursuit of happiness*, а через несколько десятилетий после появления рассказа получившее дополнительный маркер *The American Dream*. Именно возможность достижения материального успеха как знак особой благосклонности божественного провидения к американскому обществу уже в XVIII в. стала основой для противопоставления нового общества старому миру тирании. Свобода как возможность обладать собственностью и увеличивать свое благосостояние зафиксирована в ряде текстов отцов-основателей. Еще одним маркером данного ценностного суждения являются постоянные отсылки к стоимости вещей и к деньгам в тексте. Постоянные расчеты Деллы, упоминания долларов и центов отсылают нас к известному тексту Б. Франклина “Advice to a Young Tradesman”, в котором финансовый успех прямо связывается с божьим промыслом. Этот текст получил большую популярность, а фраза *time is money* стала общеупотребительной после появления этого текста. Б. Франклин призывает помнить о необходимости вести счет деньгам и тратить их мудро, чтобы достичь богатства:

Remember that Money is of a prolific generating Nature. Money can beget Money, and its Offspring can beget more, and so on. Five Shillings turn’d, is Six: Turn’d again, ‘tis Seven and Three Pence; and so on ‘til it becomes an Hundred Pound. ... In short, the Way to Wealth, if you desire it, is as plain as the Way to Market. ... He that gets all he can honestly, and saves all he gets (necessary Expenses excepted) will certainly become Rich; If that Being who governs the World, to whom all should look for a Blessing on their honest Endeavours, doth not in his wise Providence otherwise determine⁴.

В рассказе целый ряд предложений иронично переворачивают наставления Франклина: Делла постоянно считает доллары и центы, но у нее никак не получается свести концы с концами. Именно связь с идеалом расчетливого и разумного пути к богатству как основы погони за счастьем просматривается и в вопросе, на который у мудрых людей и волхвов нет ответа: *Eight dollars a week or a million a year — what is the difference?* (О. Henry. P. 5). Для идеала, представленного в тексте Франклина, ответ очевиден. Рассказ с иронией отмечает эту очевидность, намекая на необходимость иметь особый дар, чтобы дать верный, а не очевидный ответ на

⁴ Franklin B. Advice to a Young Tradesman. National Archives. <https://founders.archives.gov/documents/Franklin/01-03-02-0130> (accessed: 14.11.2019).

поставленный вопрос. В заключительных строках текста именно Делла и Джим названы обладателями этого дара. Каким образом и в какой момент развития сюжета этот дар проявляется, ведь текст создает, по сути, отрицательную характеристику этим персонажам, одержимым стремлением следовать идеалу погони за счастьем в соответствии с моделями *pursuit of happiness* и *Christmas*?

В рассказе есть еще одна отсылка к евангельскому тексту, позволяющая связать все элементы иронии воедино. В абзаце, который предшествует абзацу с вопросом, требующим правильного, а не очевидного ответа, Делла объясняет Джиму, что она продала свои волосы. В ее реплику вставлена цитата из проповеди Христа, выделенная несколькими способами: “*Maybe the hairs of my head were numbered,*” she went on with a sudden serious sweetness, “*but nobody could ever count my love for you. Shall I put the chops on, Jim?*” (O. Henry. P.5). В приведенной цитате первое предложение содержит отсылку к евангельскому тексту: *Are not two sparrows sold for two farthings, and not one of them is forgotten before God? But even the very hairs of your head are all numbered. Fear not therefore: you are of more value than many sparrows* [King James Version: Luke 12:6–7]. Связь с евангельской проповедью маркирована, прежде всего, использованием формы *hairs*. В рассказе форма *hair* встречается 16 раз, а *hairs* только в этой фразе, которая легко узнаваема как искаженная евангельская цитата *the very hairs of your head are all numbered*. Особую значимость отсылки к словам Христа для понимания смысла текста подчеркивает авторская ремарка *she went on with sudden serious sweetness*. До этого абзаца словесные характеристики Деллы ироничны. Подчеркивается детский характер ее эмоциональных реакций, ее кокетливое тщеславие и снобизм. Когда Делла объясняет Джиму, что она продала свои волосы ради него, текст указывает на преобразование персонажа (*sudden, serious*). Сущность преобразования заключается в том, что Делла отвергает идеал божественного провидения и благодатной любви Бога, поскольку они скомпрометированы именно тем, что все сосчитано до последнего цента, но счастье и любовь находятся за рамками мира, основанного на принципах *pursuit of happiness* и *Christmas*. Вызов в словах Деллы представлен словом *maybe* и заменой настоящего времени в евангельском тексте на прошедшее. Она как бы порывает с идеей божественного провидения и противопоставляет свою любовь божественной любви, которая составляет содержательную основу ценностного суждения *Christmas*. Делла забывает о приготовленном подарке Джиму и предлагает готовиться к ужину. Следующий абзац содержит главный для текста вопрос и упоминает дар, которого не было у волхвов. Очевидно, что эти два абзаца — центральные для понимания всей смысловой организации текста. Все отсылки к евангелию подвергаются в тексте ироническому искажению, чтобы продемонстрировать, каким образом меркантильный характер американской идеи успеха как обладания благами (значимость повторов слова *possession* в рассказе) лишает смысла христианский идеал божественной любви. Делла проявляет дар мудрости в тот момент, когда она сбрасывает с себя одержимость «погони за счастьем». Но грустная ирония заключена в том, что в этот момент она и прозревает, понимая бессмысленность тех идеалов, которым она следовала. Ее любовь — это чувство, дающее свет в пространстве пустоты, которым является общество, создавшее Деллу и Джима, жертвами которого оба они являются. Именно таким образом прочитываются абзацы, описывающие то, как Делла вспоминает о подарке Джима и дает ему платиновую цепочку. В ее словах снова звучит суетная

вера в возможность счастья через обладание вещами, но после двух центральных абзацев ее слова обозначают лишь невозможность полного освобождения от навязываемого обществом идеала счастья. При этом авторская ремарка подчеркивает и произошедшую в Делле перемену. В ней светится внутренний огонь подлинной духовности, которого ранее не было:

She held it out to him eagerly upon her open palm. The dull precious metal seemed to flash with a reflection of her bright and ardent spirit. "Isn't it a dandy, Jim? I hunted all over town to find it. You'll have to look at the time a hundred times a day now. Give me your watch. I want to see how it looks on it" (O. Henry. P. 6).

Значимые соответствия внутри текста представлены словесными повторами и параллелизмом. В начале текста Делла как бы отражает в себе пустоту безрадостного мира вокруг нее: *She stood by the window and looked out dully at a grey cat walking a grey fence in a grey backyard. To-morrow would be Christmas Day, and she had only \$1.87 with which to buy Jim a present* (O. Henry. P. 1). *Looked out dully* (ее состояние в начале рассказа) противопоставлено *the dull precious metal seemed to flash with a reflection of her bright and ardent spirit* — теперь Делла способна наполнить мир вокруг себя светом. Тем не менее в концовке рассказа остается тон грустной иронии: свет, исходящий от Деллы, — лишь мгновенный проблеск (*seemed to flash*). Сразу за этим абзацем следует описание реакции Джима: также отбрасывая все суетные устремления, связанные с культурной традицией, он повторяет действие Деллы в начале рассказа, когда она в бессилии от отчаяния падает на диван; повторяет жест капитуляции перед обстоятельствами и, одновременно, вслед за Деллой говорит о незначимости подарков. Первая часть этого абзаца связывает его с описанием детской реакции Деллы: *There was clearly nothing left to do but flop down on the shabby little couch and howl. So Della did it* (O. Henry. P. 1) — *Jim tumbled down on the couch and put his hands under the back of his head and smiled* (O. Henry. P. 6). Улыбка Джима — это также проявление дара подлинной мудрости: для него подарки больше не существуют. Конец его слов эхом воспроизводит концовку слов Деллы в момент преобразования: *"Maybe the hairs of my head were numbered, ... but nobody could ever count my love for you. Shall I put the chops on, Jim?"* (O. Henry. P. 5) — *"Dell," said he, "let's put our Christmas presents away and keep 'em a while. They're too nice to use just at present. I sold the watch to get the money to buy your combs. And now suppose you put the chops on"* (O. Henry. P. 6). Вся история с подарками как бы отбрасывается как ничего не значащая. Но при этом параллелизм начала и конца усиливает и неопределенность сути преобразования персонажей: они ничего не смогут изменить в своем мире, а дар мудрости лишь подчеркивает их одиночество в жестоком обществе.

Теперь полностью прояснена ирония заключительного абзаца, который возвращается к евангельской истории волхвов и подчеркивает притчевый характер всего текста. Она направлена на невозможность бесконфликтного сосуществования христианских идеалов с американским идеалом *pursuit of happiness*, который обесмысливает все, кроме обладания материальными благами как мерой значимости человека. Евангельские отрывки, обрамляющие текст рассказа, вплетены в повествование не только за счет аллюзий, но и на основе искаженного использования тех же самых слов в ткани рассказа: *And when they were come into the house, they saw the young child with Mary his mother, and fell down, and worshipped him* — *For there*

lay *The Combs* — the set of combs, side and back, that *Della had worshipped for long in a Broadway window*; they had opened their treasures, they presented unto him gifts; gold, and frankincense and myrrh — the uneventful chronicle of two foolish children in a flat who most unwisely sacrificed for each other **the greatest treasures of their house**. Включение слова *treasures* в своеобразную переключку евангельских отрывков и текста рассказа тем более говорит об иронии, поскольку до этого волосы Деллы и часы Джима назывались *possessions*, а их жильё получило насмешливо-презрительное описание со словесной игрой *beggar* существительного и глагола:

Are not two sparrows sold for two farthings, <...> Fear not therefore: you are of more value than many sparrows — As soon as she saw it she knew that it must be Jim's. *It was like him. Quietness and value* — the description applied to both. *Twenty-one dollars they took from her for it...* (О. Генри. Р. 3). Рассмотренный нами сложный механизм иронического отторжения идеала *the pursuit of happiness* и скомпрометированной в рамках этого идеала христианской этики и является основой целостности текста. Этот механизм сформирован всеми словесными соответствиями, выделенными в процессе анализа. Очевидно, что для успешных переводческих решений необходимо четко понимать всю смысловую структуру текста.

Избирательное прочтение и утрата смысла оригинала в переводе

Прежде всего, необходимо установить, каким образом текст перевода воспроизводит каркас ценностного конфликта, установленный нами в процессе анализа: *The Gift of the Magi is the gift the magi who brought their valuable gifts to Jesus did not have; it is the gift that the two characters of the story truly possessed; hence they are the wisest and they are The Magi, not the wise men of the biblical story*. Вариант перевода заглавия как «Дары волхвов» сразу вносит искажение в смысловую структуру оригинала. Заголовок убирает контраст между евангельской историей и текстом, так что *дары* могут лишь указывать на два подарка, которые купили друг другу Делла и Джим.

Рассмотрим перевод двух абзацев, в которых уточняется основа ценностного конфликта — абзац с авторским комментарием о даре, которого не было у евангельских мудрецов, и заключительный абзац рассказа. «Что больше — восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее»⁵. В этом переводе есть несколько существенных нарушений смысловых связей в оригинале: *Eight dollars a week or a million a year — what is the difference? A mathematician or a wit would give you the wrong answer. The magi brought valuable gifts, but that was not among them. This dark assertion will be illuminated later on*. Прежде всего, русский вариант *что больше* смещает акцент с бессмысленности сопоставления (*what is the difference?*) на значимость жертвы, на которую пошел тот, кто приобрел подарок. Ведь уже сам заголовок в русском варианте делает самым главным элементом сюжета дары, а не дар, которым обладают только персонажи рассказа. Также утеряно в переводе и четкое указание на то, что дар — это именно возможность дать правильный, а не очевидный ответ на заданный вопрос: *A mathematician or a wit would give you the wrong answer. The magi*

⁵ Цит. по: О'Генри. Дары Волхвов. Библиотека СЕРАНН. <http://www.serann.ru/text/dary-volkhov-8603> (дата обращения: 14.11.2019) [О'Генри].

brought valuable gifts, but *that* (the ability to give the right answer) was not among them. Русскоязычное предложение «Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного» никак не связано с предыдущими предложениями.

Заключительный абзац также содержит существенные искажения, обусловленные непониманием структуры ценностного конфликта:

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глухих детей из восьмидолларовой квартирки, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами.

Переориентация структуры смысла текста с иронического противопоставления истинного дара мудрости идеалу *pursuit of happiness* на значимость жертвы при приобретении подарков приводит к странным переводческим решениям. Так, фразу с оговоренным правом обмена в случае непригодности следует рассматривать как смысловую подмену оригинала *possibly bearing the privilege of exchange in case of duplication*. Право обмена в случае непригодности явно предполагает, что мудрые люди на месте Деллы и Джима вернули бы покупки, а Джим и Делла этого не сделают, потому что для них дорога жертва, свидетельствующая о силе их взаимной любви. *The privilege of exchange in case of duplication* подчеркнуто не связано с сюжетом, где нет никакого дублирования подарков. Ирония направлена на идеал, связанный с этикой неуклонного стремления к честному богатству за счет разумного и бережного отношения к деньгам (*the pursuit of happiness*). Такой же смысловой подменой следует считать и конец приведенного отрывка перевода: *самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами*. Вместо *своими величайшими сокровищами* оригинал содержит *the greatest treasures of their house*. Здесь стоит вспомнить насмешливо-отстраненное описание дома в начале текста со словесной игрой *beggar*. Ирония полностью утрачена и в результате положительным идеалом становится как раз то, что оригинал подвергает горькой иронии: стремление выражать свое чувство через собственность (*possessions, treasures*) как разрушительное начало в самой основе американской культуры. Поскольку в переводе полностью разрушена структура базового ценностного конфликта (дар мудрости — *the gift of the magi* — как вызов этическим основам общества), в последнем абзаце перевода смысл заключительного предложения *Они и есть волхвы*, полностью переосмыслен: Делла и Джим — настоящие рождественские волхвы, потому что они сделали друг другу подарки-жертвы — *the gifts of the magi* — и оценили это. Смысл перевода делает положительным идеал, который подвергается ироническому переосмыслению и отторжению в оригинале.

Разрушение основы смысла текста при переводе ведет к серии последовательных искажений и подмен почти в каждом абзаце. Так, полностью утрачена связь с важнейшим для рассказа евангельским отрывком, без которого невозможно понять содержание «прозрения» Деллы: *Maybe the hairs of my head were numbered* переведено с помощью смысловой подмены «Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать». В тексте перевода Делла как бы жалуется, что у нее на голо-

ве осталось теперь мало волос, но зато любовь ее все так же велика. Такая подмена логична, поскольку вся структура перевода направлена на тривиализацию смысла оригинала и уничтожение связей текста с культурным контекстом. Очевидно, что *можно пересчитать* является именно смысловой подменой, а не просто неудачным вариантом *were numbered*. Смысловая подмена полностью блокирует связь с евангельским отрывком и убирает из текста вызов в словах Деллы (*maybe — were numbered*): «Не пять ли малых птиц **продаются** за два ассария? и ни одна из них на забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: **вы дороже** многих малых птиц». [Библия: Лк 12:6–7].

В переводе последовательно снимается ирония в характеристиках персонажей. Рассмотрим несколько наиболее значимых примеров. Подчеркнуто ироничное описание жилья Деллы и Джима как общественных изгоев, основанное на словесной игре *beggar: It did not exactly beggar description, but it certainly had that word on the look-out for the mendicancy squad* — в переводе представлено смысловой подменой «В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность». Вместо иронии в переводе формируется сентиментальный тон, который выдерживается во всем тексте и направлен на поддержание идеала «с милым рай и в шалаше». Ироничное описание цепочки для часов, основанное на связи с евангельским отрывком за счет слова *value: It was like him. Quietness and value — the description applied to both. Twenty-one dollars they took from her for it...* в переводе утрачивает словесные соответствия, что предсказуемо, так как сама возможность распознать в словах Деллы отсылку к проповеди Христа уничтожена: «Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство — эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу». *Пришлось уплатить* подчеркивает значимость жертвы, принесенной Деллой, что никак не соответствует едкой иронии оригинального текста по отношению к отрывку из 12 главы Евангелия от Луки. Точно таким же образом снимается ирония в абзаце, описывающем гребни, в котором за счет слова *worship* устанавливается контрастное взаимодействие с историей о поклонении волхвов: *that Della had worshipped for long in a Broadway window* переведено как «Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине Бродвея». И здесь мы видим подмену иронии сентиментализацией повествования. *Worshipped for long* — важный маркер, который соотносится не только с евангельским отрывком, но и со всеми элементами текста, описывающими одержимость Деллы стремлением выставить напоказ то, что могло бы вызывать зависть у других.

Также стоит обратить внимание на существенное изменение оценочности в описании рыданий Деллы в начале рассказа: *sobs, sniffles and smiles* в оригинале (насмешливое описание детской реакции на обиду) превращается в *слезы, вздохи и улыбки*. Принципиальная подмена оценочности на более высокую. Перевод игнорирует параллелизм в описании того, как оба персонажа выражают свое бессилие перед обстоятельствами: *There was clearly nothing left to do but flop down on the shabby little couch and howl. So Della did it* (O. Henry. P. 1). *Instead of obeying, Jim tumbled down on the couch* (O. Henry. P. 6) — «Единственное, что тут можно было сделать, — это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила». «Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку». В переводе Джим, устраиваясь удобно на кушетке, спокоен и доволен.

В тексте есть и ряд переводческих ошибок, еще более отдаляющих перевод от семантической структуры оригинала. К таким ошибкам следует отнести, например, описание почтового ящика. Оригинал *In the vestibule below was a letter-box into which no letter would go* сообщает о полной изолированности Деллы и Джима. Даже перед Рождеством их почтовый ящик остается пустым, как и всегда. На этом фоне резко усиливается ирония по поводу их стремления сохранить видимость социальной респектабельности в полной социальной пустоте (абзац с *flung to the breeze*). В тексте перевода происходит подмена, основанная на ошибочном понимании этого отрезка текста: «Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо». Получается, что в парадной двери есть бракованный ящик (для всего дома?) и Делла и Джим из-за этого не могут получать корреспонденцию. Вероятно, это должно усилить сочувственный тон по поводу бедности молодых людей (здесь важно учесть, что даже уменьшившийся заработок Джима в полтора раза выше среднего недельного заработка в Нью-Йорке того времени). То, что почтовый ящик помещен на парадную дверь и имеет щель, — яркое свидетельство игнорирования культурной специфики пространства текста. Вероятно, текст перевода развивает мотив «красноречиво молчащей бедности»: Делла и Джим не жалуются домовладельцу на слишком узкую щель и испорченный звонок от смирения и самоуничтожения — в американский рассказ вводится оценочная модель бедности, характерная для русской прозы и никак не связанная со смыслом оригинала. Еще одна ошибка — это появление у Деллы кос в переводе: «Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью. — Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала». Ничто в тексте на это не указывает: “*You say your hair is gone?*” he said, with an air almost of idiocy. “*You needn’t look for it,*” said Della. “*It’s sold, I tell you — sold and gone, too*” (О. Henry. P.5). Если посмотреть на иллюстрации к этому рассказу в англоязычных изданиях этого текста⁶, можно увидеть, что ни одна из них не указывает на наличие у Деллы кос. Переводческое решение вводит в текст рассказа романтизированный русский идеал красивой девушки с длинными косами, явно искажающий смысл оригинала.

Более того, отражение семантической структуры рассказа в критике и литературоведении не вполне соотносится с русской версией текста. Так, зарубежные исследователи, работающие с оригинальным текстом рассказа, отмечают его иронический потенциал — дар Деллы и Джима противопоставляется рамочной ситуации, связанной с рождественской традицией gift-giving как в христианском, так и в светском вариантах. Именно значимое несовпадение широко распространенных в американском обществе идеалов в контексте gift-giving с тем, что обозначается в тексте как the gift, становится центральным для семантической структуры текста. Исследователи уделяют особое внимание «бесполезности» подарка при его рассмотрении сквозь призму актуальных для эпохи общественных норм [Балдицын 2009; Kalelioglu 2018; Litwicki 2011]. Более того, такое прочтение позволяет не выносить текст за скобки творчества О. Генри в целом, в котором невозможность соответствия социальным нормам становится одной из базовых смыслоформирующих

⁶ O’Henri. The Gift of the Magi. My World Web. <https://myworldweb.com/the-gift-of-the-magi/> (дата обращения: 27.02.2022); O’Henri. The Gift of the Magi. Close Look Review. <https://closelookreview.wordpress.com/2018/09/28/the-gift-of-the-magi-by-o-henry/> (дата обращения: 27.02.2022).

конфликтных ситуаций [Hooti, Partovy 2012; Linde 2008]. Тем не менее многие исследователи [Боровинский 2000; Костюченко 2017; Махмутова, Исакова 2017] не смогли избежать влияния русскоязычного варианта, искажающего текст оригинала, в связи с чем текст предлагается интерпретировать как сентиментальную историю, подтверждающую расхожий стереотип «любовь побеждает все» (например, «новелла заставляет поверить читателя в то, что любовь есть лучшее средство для преодоления временных неурядиц» [Костюченко 2017]).

Мы удостоверились в том, что перевод не только не ориентируется на смысловую структуру оригинала текста, но планомерно и последовательно подменяет ее, создавая тривиализированную, поверхностную интерпретацию притчи. Источником серьезных искажений является невнимание к ключевым элементам текста, подчеркнуто выделенным для внимательного и заинтересованного читателя. К сожалению, ряд важнейших компонентов семантической структуры рассказа не воспроизводится в переводе.

Заключение

Представленный нами анализ показывает, что реконструктивное прочтение оригинала с обязательным выявлением всех маркеров ценностных суждений, актуальных для структуры текста, является необходимым условием для начала работы над переводом.

В первом разделе статьи продемонстрировано, каким образом ценностные суждения (фреймы) организуют смысловую структуру художественного высказывания. Так, семантическая составляющая текста О. Генри представляет собой ироническое переосмысление фрейма *the pursuit of happiness*, закладывающего основу американской национальной идентичности в качестве одной из идеальных ценностных моделей. В рассказе данный идеал компрометируется при сопоставлении с другим фреймовым пластом, отсылающим к основам христианской этики. В ходе анализа были представлены ключевые вербальные элементы текста, которые закладывают основу и обеспечивают значимость данного ценностного переосмысления.

Второй раздел посвящен рассмотрению перевода рассказа, выполненного Е. Д. Калашниковой. В процессе анализа русскоязычной версии был выявлен ряд значимых функциональных несоответствий оригинальному тексту. Данные несоответствия заложили основу семантической структуры, принципиально отличной от наблюдаемой в рассказе О. Генри. Игнорирование ключевых слагаемых англоязычного текста составляет сущность т. н. избирательного прочтения и становится преградой для понимания текста в его смысловой целостности, что предопределяет существенные смысловые искажения в тексте перевода. Представляется, что анализ текста оригинала, основанный на принципах функциональной семиотики, является основой для преодоления проблем, обусловленных т. н. избирательным прочтением, при осуществлении кросскультурного трансфера.

Источники

- Библия — Библия. Русский синодальный перевод. *Библия онлайн*. <https://bibleonline.ru/bible/rst66/luk-12.6/> (дата обращения: 14.11.2019).
- О’Генри — Генри О. *Дары Волхвов*. Библиотека СЕРАНН. <http://www.serann.ru/text/dary-volkhov-8603> (дата обращения: 14.11.2019).
- Davis 2011 — Davis J. *An Oration Pronounced at Worcester (Mass.) on the Fortieth Anniversary of American Independence*. Charleston: Nabu Press, 2011.
- King James Version — King James Version. Bible Gateway. <https://www.biblegateway.com/versions/King-James-Version-KJV-Bible/> (accessed: 14.11.2019).
- O. Henry — O. Henry. *The Gift of the Magi. Short Stories*. <http://www.eastoftheweb.com/short-stories/UBooks/GifMag.shtml> (accessed: 14.11.2019).

Словари и справочные издания

- Merriam-Webster — Merriam-Webster. <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 14.11.2019).
- Wikipedia — Wikipedia. The Gift of the Magi. https://en.wikipedia.org/wiki/The_Gift_of_the_Magi (accessed: 14.11.2019).

Литература

- Бархударов 2008 — Бархударов Л. С. *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. М.: ЛКИ, 2008.
- Боровинский 2000 — Боровинский В. С. Горестная судьба веселого рассказчика. В кн.: О. Генри. *Сочинения*. М.: Книжная палата, 2000. С. 5–12.
- Балдицын 2009 — Балдицын П. В. Развитие американской новеллы: О’Генри. В кн.: *История литературы США. Том 5. Литература начала XX века*. Стеценко Е. А. (ред.). М.: Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького РАН, 2009. С. 544–598.
- Костюченко 2017 — Костюченко М. В. Художественные особенности новеллы О. Генри на примере произведения «Дары волхвов». *Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука*. 2017, (5): 8–13.
- Махмутова, Исакова 2017 — Махмутова А. Н., Исакова Л. С. Репрезентация оппозиции «духовный» — «материальный» мир в новелле О. Генри «Дары волхвов». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017, 7 (73): 119–121.
- Покровская 2010 — Покровская Е. С. Ценностные модели сознания и поэтический текст (на материале стихотворения американского поэта Роберта Пински «To Television»). *Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2010, (4): 71–73.
- Толочин 2002 — Толочин И. В. Монолог и речевая деятельность. В кн.: *Риторика монолога*. Варшавская А. И. (ред.). СПб.: Химера, 2002. С. 212–222.
- Толочин, Филатов 2019 — Толочин И. В., Филатов А. С. Об искажениях поэтического смысла в литературной критике (три комментария к «Success Is Counted Sweetest» Э. Дикинсон). *Университетский научный журнал*. 2019, (46): 26–37.
- Фуко 2004 — Фуко М. Что такое автор? В кн.: *Современная литературная теория. Антология*. Кабанова И. В. (ред.). М.: Флинта: Наука, 2004. С. 69–91.
- Швейцер 1988 — Швейцер А. Д. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 1988.
- Baurmann et al. 2010 — *Norms and Values*. Baurmann M., Brennan G., Goodin R., Southwood N. (eds). Baden-Baden: Nomos Verlag, 2010.
- Birchler, Buetler 1999 — Birchler U., Buetler M. *Information Economics*. Abingdon: Routledge, 1999.
- Borah 2011 — Borah P. Conceptual Issues in Framing Theory: A Systematic Examination of a Decade’s Literature. *Journal of Communication*. 2011, (61): 246–263.
- Catford 1965 — Catford J. C. *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press, 1965.

- Gagnon et al. 2019 — Gagnon A.-G., Montagut M., Moragas-Fernández C.M. Discourses, Actors and Citizens in the Communicative Construction of Conflicts: the Catalan Case. *Catalan Journal of Communication and Cultural Studies*. 2019, 11 (2): 161–169.
- Hooti, Partovy 2012 — Hooti N., Partovy F. The Nature of Justice and Judgment in O. Henry's After Twenty Years. *Journal of Basic and Applied Scientific Research*. 2012, 2 (5): 4834–4837.
- Kalelioglu 2018 — Kalelioglu M. Multidisciplinary Approach to the Texts: Semiotic Analysis of the Process of Meaning Construction in O. Henry's "The Gift of the Magi". *Dil Bilimleri: Klasik Sorunlar-Güncel Tartışmalar*. 2018, (1): 811–865.
- Koller 1989 — Koller W. Equivalence in Translation Theory. In: *Readings in Translation Theory*. Chesterman A. (ed.). Helsinki: Oy Finn Lectura Ab., 1989. P.99–104.
- Linde 2008 — Linde M. Truth is Held in Disrepute: O. Henry and The Dismantling of Paradigms. *Miscelanea a Journal of English and American Studies*. 2008, (38): 11–27.
- Litwicki 2011 — Litwicki E. From the "ornamental and evanescent" to "good, useful things": Redesigning the Gift in Progressive America. *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*. 2011, 10 (4): 467–505.
- Lukianova et al. 2019 — Lukianova E., Tolochin I., Johnson G. F., Knobloch K. R. Varieties and effects of emotional content in public deliberation: A comparative analysis of advocate arguments at a citizens' initiative review. *Journal of Language and Politics*. 2019, (18): 441–462.
- Mannheim 1997 — Mannheim K. *Ideology and Utopia* (Collected Works, Volume 1). London; New York: Routledge, 1997.
- Mead 2015 — Mead G. H. *Mind, Self, and Society* (The Definitive Edition). Chicago: The University of Chicago Press, 2015.
- Newman 1994 — Newman A. Translation Equivalence: Nature. In: *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Asher R. E., Simpson J. M. Y. (eds). Oxford; New York: Pergamon Press, 1994. P.4694–4700.
- Rokeach 1973 — Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973.
- van Dijk 2014 — van Dijk T. A. *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Статья поступила в редакцию 26 августа 2020 г.
Статья рекомендована к печати 29 ноября 2021 г.

Igor V. Tolochin

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
i.tolochin@spbu.ru

Andrei S. Filatov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
andrei.filatov.spbu@gmail.com

The value frames of culture and the problem of translation equivalence: O. Henry's *The Gift of the Magi* and its Russian translation*

For citation: Tolochin I. V., Filatov A. S. The value frames of culture and the problem of translation equivalence: O. Henry's *The Gift of the Magi* and its Russian translation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (1): 149–168. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.108> (In Russian)

This article discusses the problem of functional equivalence in a literary text translation. A strong case is made for what the article proposes to consider reconstructive reading as the basic method for approaching a literary text in order to translate it. We analyze the Russian

* The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research (project number 20-312-90014).

translation of O. Henry's *The Gift of the Magi*, which has become part of the canon in Russian culture. The article defines and exemplifies the mechanism of reconstructive reading, demonstrating how identifying the points of contrast between certain phrases in the text and the relevant value frames allows to recreate the patterns of meaning in the narrative. This serves as the basis for understanding the function of every word in the text and for clearly experiencing the fullness of its expressive potential. Moreover, the article demonstrates how the translation of O. Henry's story loses any meaningful connection to the original, distorting and trivializing it. The reason for this failure is identified as the lack of attention to the key elements in the original text, which establish the contrasting relationship between the text and the clearly marked value frames. We stress that the well-established mistranslation of the original text has forced Russian literary critics to come up with erroneous interpretations of that short story. The conclusion points out the significance of practicing reconstructive reading as a prerequisite for translation in order to avoid creating translations that may create misunderstandings between cultures.

Keywords: translation, reconstructive reading, value judgment, frame semantics, value conflict.

References

- Бархударов 2008 — Barkhudarov L. S. *Language and translation. Questions of general and special theory of translation*. Moscow: LKI Publ., 2008. (In Russian)
- Боровинский 2000 — Borovinskii V. S. Sad destiny of a happy narrator. In: O. Genri. *Sochineniia*. Moscow: Knizhnaia Palata Publ., 2000. P. 5–12. (In Russian)
- Балдицын 2009 — Baldicyн P. V. The development of the american novella: O'Henri. In: *Istoriya literatury SSHA. Tom 5. Literatura nachala XX veka*. Stecenko E. A. (ed.). Moscow: Institut mirovoi literatury imeni A. M. Gor'kogo RAN Publ., 2009. P. 544–598. (In Russian)
- Костюченко 2017 — Kostiuchenko M. V. Artistic features of O'Henry's novella on the example of "The Gift of the Magi". *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriia: Draft: molodaia nauka*. 2017, (5): 8–13. (In Russian)
- Махмутова, Исакова 2017 — Mahmutova A. N., Isakova L. S. Representation of the "spiritual" — "material" opposition in O. Henry's "The Gift of the Magi". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, 7 (73): 119–121. (In Russian)
- Покровская 2010 — Pokrovskaia E. S. Value models and poetic text (based on the poem "To Television" by American poet Robert Pinsky). *Vestnik of St Petersburg University. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2010, (4): 71–73. (In Russian)
- Толочин 2002 — Tolochin I. V. Monologue and verbal behaviour. In: *Ritorika monologa*. Varshavskaya A. I. (ed.). St Petersburg: Khimera Publ., 2002. P. 212–222 (In Russian)
- Толочин, Филатов 2019 — Tolochin I. V., Filatov A. S. Misrepresentation in literary criticism (three interpretations of E. Dickinson's "Success Is Counted Sweetest". *Universitetskii nauchnyi zhurnal*. 2019, (3): 26–37. (In Russian)
- Фуко 2004 — Foucault M. What is an author? In: *Contemporary Literary Theory. An Anthology*. Kabanova I. V. (ed.). Moscow: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2004. P. 69–91. (In Russian)
- Швейцер 1988 — Shvejcer A. D. *Theory of translation: Status, problems, aspects*. Moscow: Nauka Publ., 1988. (In Russian)
- Baurmann et al. 2010 — *Norms and Values*. Baurmann M., Brennan G., Goodin R., Southwood N. (eds). Baden-Baden: Nomos Verlag, 2010.
- Birchler, Buetler 1999 — Birchler U., Buetler M. *Information Economics*. Abingdon: Routledge, 1999.
- Borah 2011 — Borah P. Conceptual Issues in Framing Theory: A Systematic Examination of a Decade's Literature. *Journal of Communication*. 2011, (61): 246–263.
- Catford 1965 — Catford J. C. *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics*. London: Oxford University Press, 1965.
- Gagnon et al. 2019 — Gagnon A.-G., Montagut M., Moragas-Fernández C. M. Discourses, Actors and Citizens in the Communicative Construction of Conflicts: the Catalan Case. *Catalan Journal of Communication and Cultural Studies*. 2019, 11 (2): 161–169.

- Hooti, Partovy 2012 — Hooti N., Partovy F. (2012) The Nature of Justice and Judgment in O. Henry's After Twenty Years. *Journal of Basic and Applied Scientific Research*. 2012, 2 (5): 4834–4837.
- Kalelioglu 2018 — Kalelioglu M. Multidisciplinary Approach to the Texts: Semiotic Analysis of the Process of Meaning Construction in O. Henry's The Gift of the Magi. *Dil Bilimleri: Klasik Sorunlar-Güncel Tartışmalar*. 2018, (1): 811–865.
- Koller 1989 — Koller W. Equivalence in Translation Theory. In: *Readings in Translation Theory*. Chesterman A. (ed.). Helsinki: Oy Finn Lectura Ab., 1989. P.99–104.
- Linde 2008 — Linde M. Truth is Held in Disrepute: O. Henry and The Dismantling of Paradigms. *Miscelanea a Journal of English and American Studies*. 2008, (38): 11–27.
- Litwicki 2011 — Litwicki E. From the “ornamental and evanescent” to “good, useful things”: Redesigning the Gift in Progressive America. *The Journal of the Gilded Age and Progressive Era*. 2011, 10 (4): 467–505.
- Lukianova et al. 2019 — Lukianova E., Tolochin I., Johnson G. F., Knobloch K. R. Varieties and effects of emotional content in public deliberation: A comparative analysis of advocate arguments at a citizens' initiative review. *Journal of Language and Politics*. 2019, (18): 441–462.
- Mannheim 1997 — Mannheim K. *Ideology and Utopia* (Collected Works, Volume 1). London; New York: Routledge, 1997.
- Mead 2015 — Mead G. H. *Mind, Self, and Society* (The Definitive Edition). Chicago: The University of Chicago Press, 2015.
- Newman 1994 — Newman A. Translation Equivalence: Nature. In: *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Asher R. E., Simpson J. M. Y. (eds). Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. P. 4694–4700.
- Rokeach 1973 — Rokeach M. *The Nature of Human Values*. New York: Free Press, 1973.
- van Dijk 2014 — van Dijk T. A. *Discourse and Knowledge. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Received: August 26, 2020

Accepted: November 29, 2021